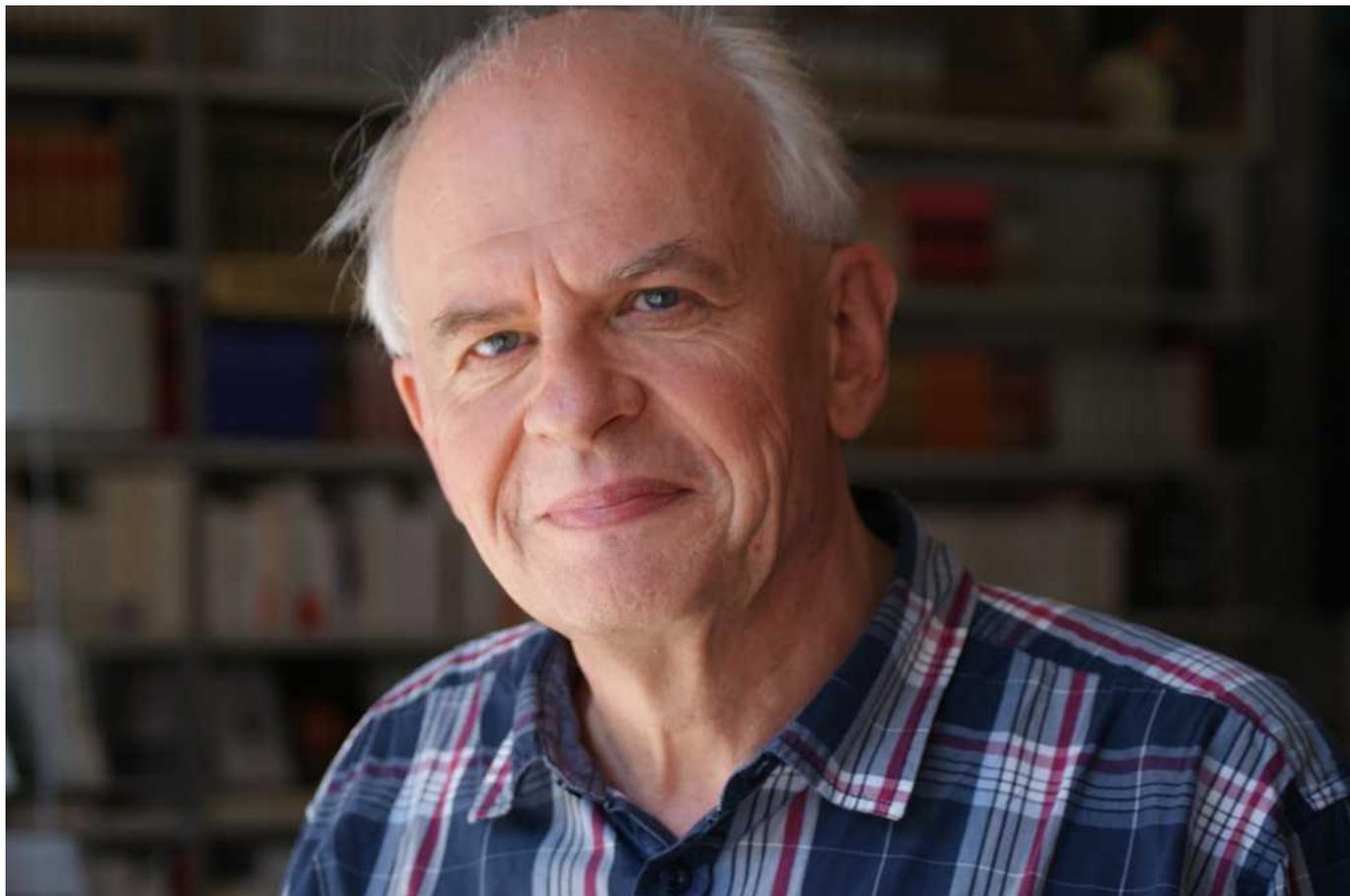

Ральф Дутли: «Мандельштам - русский классик 20 века» | Ralph Dutli: Mandelstam - the Russian Classic of the 20th Century

Auteur: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 30.05.2012.

Ральф Дутли: "Я интуитивный поэт, и я так много занимался Мандельштамом, что настроился на его волну" (© NashaGazeta.ch)

Швейцарский автор в юности голодал, чтобы купить трехтомник Мандельштама, а затем решил пройти по пути современного Орфея, который не вышел из ада.

|
The Swiss author starved to buy a book of poems by Mandelstam. He has recently

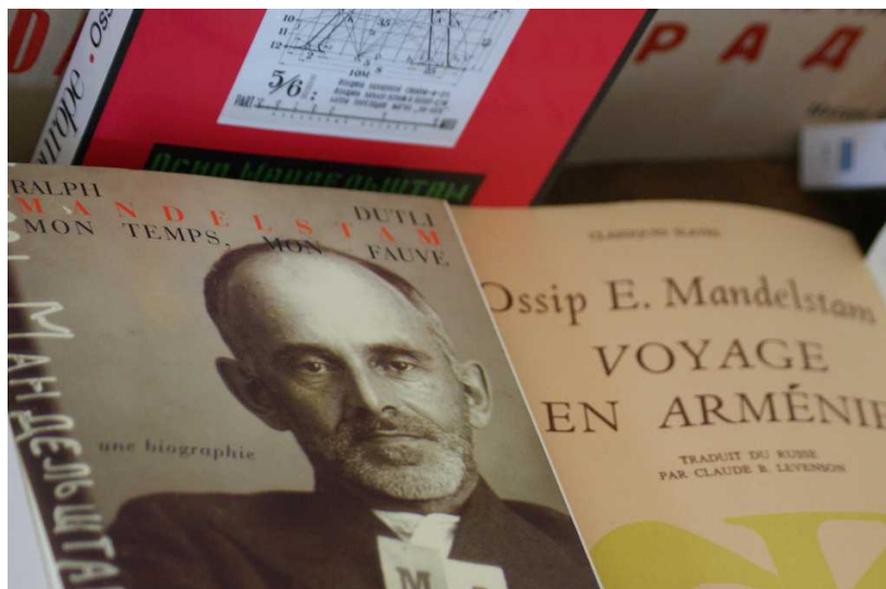
published the most detailed biography of the Russian poet.
Ralph Dutli: Mandelstam - the Russian Classic of the 20th Century

Недавно на французском языке издательствами La Dogana и Le Bruit du Temps была выпущена замечательная книга [«Век мой, зверь мой. Осип Мандельштам. Биография»](#), с которой русскоязычные читатели могли познакомиться уже в 2005 году. Это - одна из наиболее подробных биографий Осипа Мандельштама, написанная швейцарским поэтом и литературоведом [Ральфом Дутли](#).

Ральф Дутли известен тем, что перевел все до последней строчки написанное Мандельштамом - и стихи, и прозу - на немецкий язык. Русскоязычная критика встретила написанную Дутли биографию поэта, можно сказать, с долей ревности и подсознательным желанием отыскать в ней подвохи и искажения истины. Но их не нашлось, разве что можно упрекнуть швейцарского автора в том, что он недостаточно ярко зажигал свечку, описывая любовную жизнь поэта. Впрочем, достаточно прочесть [перевод Константина Азадовского](#), чтобы составить собственное мнение. А заодно отметить, что стремительный, ритмичный и чрезвычайно насыщенный язык, которым Дутли пишет биографию Мандельштама, намного превышает по своему словарному богатству типичную литературоведческую прозу.

Мы побывали на литературном вечере с участием автора в женевском книжном магазине Le Rameau d'Or, став первым изданием на русском языке, лично побеседовавшим с Ральфом Дутли.

Наша Газета.ch: По опыту нам известно, что, когда человек начинает всерьез заниматься славистикой, то, как правило, делает это из каких-то личных глубинных побуждений.

Ральф Дутли: Обожаю ваш язык! Звучание поэзии на русском! Я родился в Шаффхаузене, в юности дружил с уже очень пожилой русской дамой, из белых эмигрантов первой волны, дочь царского офицера, ее потрясающий характер, жизнелюбие и обаяние произвели на меня сильное впечатление. Школьником я прочел антологию о поэте и переводчика Пауля Целана, в которой были собраны его переводы стихов Блока, Есенина и Мандельштама - я был совершенно заворожен ими, хотя поначалу многого не понял.

Я учился в Цюрихе, затем в Сорбонне, моя основная специализация – это французская литература средневековья, а вторым предметом стала славистика, которая в определенный момент вышла вперед. В 1976-77 годах я переехал в Париж, где в старом книжном магазине увидел выпущенное американцами трехтомное издание Мандельштама, не подвергшееся цензуре, в чем была его ценность. Денег у меня было страшно мало, поэтому я ходил в этот магазин навещать книги Мандельштама, пока, наконец, не решился поголодать, но купить их. Так я занялся переводом Мандельштама для себя, для души. Это было сложно, но я очень старался, потому что испытывал невероятную любовь к этому поэту. И опубликовал первые две книги переводов в 1983-84 годах, в издательстве Surkampf во Франкфурте.

Мандельштама и на русском непросто читать, а каково было переводить?

"Денег у меня было страшно мало, поэтому я ходил в этот магазин навещать книги Мандельштама, пока, наконец, не решился поголодать, но купить их". И в русском, и в немецком языках используется силлабо-тоническая система стихосложения, подобие равномерных волн с ударными и безударными слогами. Ямб – хорей – анапест, все эти стихотворные размеры можно передать и в немецком языке. Кроме того, нам близка экспериментальная рифма русских поэтов, например, Цветаевой и Маяковского. Я многому научился в поисках нового слова, чтобы в немецком языке передать ритм и идею стихотворения. В этом смысле мне очень помогло то, что я тоже поэт и, как Мандельштам, поэт интуитивный. Нужно самому писать стихи, чтобы проникнуть в мир другого поэта. Мне свойственно мечтать, предоставляя воображению свободный ход, и при этом я так много занимался Мандельштамом, что настроился на его волну. Начал предчувствовать вещи, распознавать ядро его творчества.

С 1985 по 2000 годы книжное издательство Ammann в Цюрихе выпустило 10 томов Осипа Мандельштама - все, что он когда-либо написал, я перевел на немецкий язык. Переводил я также Иосифа Бродского и Марину Цветаеву. Книга «Век мой. Зверь мой» вышла в 2003 году, а в 2006 году я перевел подборку стихов Бродского, и с тех пор больше не занимаюсь русской поэзией. Работаю над другим проектом: выпустил книгу «Песня меда. Культурная история пчелы», в которой пчелиная тема рассматривается через призму поэзии. Со времен античности поэты, подобно Горацию, отождествляли себя с пчелами, а поэзию – с медом. Пчелы - спутники Персефоны, богини потустороннего мира, у Мандельштама они пересекают границу жизни и смерти («Возьми ж на радость дикий мой подарок — Невзрачное сухое ожерелье Из мёртвых пчёл, мёд превративших в солнце»). Сейчас перевел абсурдную, карнавальную (по Бахтину) французскую поэзию 13-го века.

Замечательно слушать, как Ральф Дутли читает стихи Мандельштама. Во французском переводе – держа перед глазами книгу, старательно прорисовывая интонациями цепочку образов. В русском же – легко, наизусть, без всяких записей. При этом голос его становится сильнее, гармонично заполняя все пространство комнаты, а внешность застенчивого литературоведа преображается: глаза из серых «профессорских», запорошенных массой пролистанных книжных страниц, вдруг превращаются в юношеские голубые, и лицо молодеет, словно делая Дутли ровесником Мандельштама в момент, когда тот писал то или иное стихотворение. И лишь непривычно мягкие звуки «л» и «ч», которых вдруг оказывается так много в строках Мандельштама, выдают, что их произносит иностранец.

В книге «Век мой, зверь мой» 600 страниц текста, сотни имен людей, с которыми так или иначе был связан поэт, буквально каждый абзац содержит биографические детали. Каким образом Вы собирали информацию, как ее структурировали?

«И в русском, и в немецком языках используется силлабо-тоническая система стихосложения. Кроме того, нам близка экспериментальная рифма Мандельштама". Двадцать пять лет я занимался Мандельштамом, перед этим уже выпустил четыре книги о нем. Его биография – самая важная среди всего мною написанного, вершина творчества, завершение громадной работы. Я не претендую на эксклюзивность, это не подход эрудита и эксперта, я не рылся в архивах в поисках информации. Наверное, Мандельштам просто настолько глубоко находится в моей голове, что мне даже не нужно было делать специальные записи. В принципе, мне не важно, какого цвета галстук носил Мандельштам, я начал писать биографию его текстов, и если в итоге в ней содержится много информации о жизни поэта, это хорошо.

Конечно, я прочел всю литературу о нем, все воспоминания, среди которых основными, безусловно, стали воспоминания его жены Надежды Яковлевны, я был ими потрясен.

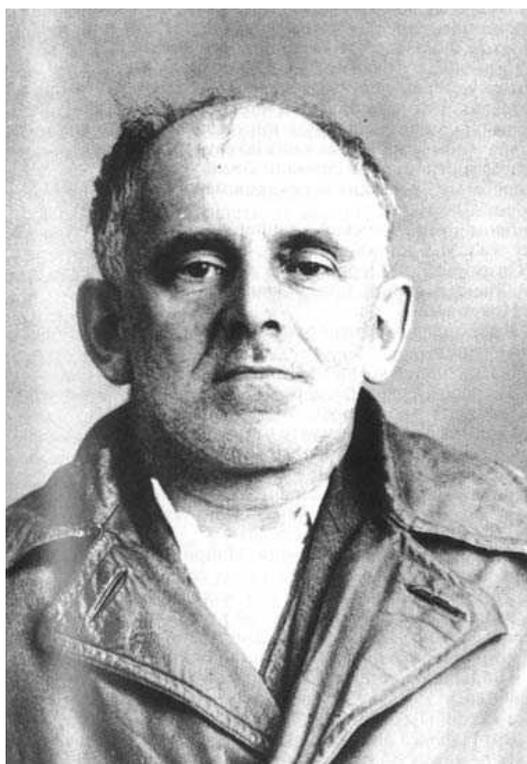
После книги Ральфа Дутли читаешь Мандельштама по-новому. В своем тщательном, неторопливом рассказе он не злоупотребляет ни эпитетами, ни оценками, но при этом текст несет в себе такой сильный эмоциональный заряд, что от него трудно оторваться. Автор проживает с поэтом день за днем, следуя за ним в Малинов, Санкт-Петербург, на Черное море или в Воронеж. Ему даже не нужно заглядывать Мандельштаму через плечо, чтобы знать, над чем тот работает: литературовед и так

наизусть помнит все его тексты, иллюстрируя каждый поворот судьбы цитатами из стихов и прозы.

Каким человеком был Осип Мандельштам?

Всю свою жизнь, кроме самых последних ее моментов, это был исключительно жизнерадостный, светлый, оптимистичный человек. Он обожал жизнь во всех ее физических и эмоциональных проявлениях. Во время разлуки с Надеждой Мандельштам, когда она для поправки здоровья жила на юге, а он в Петербурге бегал в отчаянных попытках заработать хоть какие-то рубли, поэт писал жене: «Ты купила дыню в Мелитополе?» И напоминал, чтобы они оба - очень счастливые люди, и ей нельзя забывать радоваться.

Последние годы жизни семьи Мандельштама были исключительно тяжелыми - высылки, преследования, бедность, постоянное ожидания ареста, в 1934 году он совершил попытку самоубийства, выбросившись из окна. Он уже в 40 лет страдал от сердечной недостаточности, задыхался. Но и тогда периоды депрессии чередовались со всплесками надежды и оптимизма. Известно, что перед смертью Мандельштам сошел с ума: голод, холод, лагерные ужасы, вы знаете, он боялся уколов, потому что верил, что в лагерьной больнице его отравят...

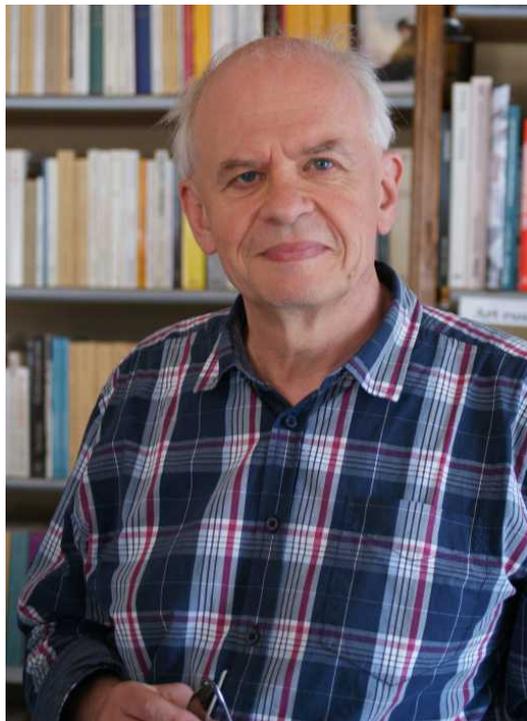

Самый трагический момент книги, без сомнения, это описание смерти Мандельштама вскоре после того, как его приговорили к 5 годам в исправительно-трудовом лагере. Полностью достоверных сведений о смерти Мандельштама нет, официально он скончался 27 декабря 1938 года в пересыльном лагере ГУЛАГа под Владивостоком, незадолго до своего 48 летия (15 января). Из лагеря Мандельштам успел написать одно письмо брату Евгению, сообщая, что он очень болен.

Во время эпидемии тифа, при 30-градусном морозе заключенные из 11-го барака должны были ждать на холоде, раздетые, пока их одежда не пройдет санобработку для уничтожения вшей. Мандельштам уже был очень плох, не говорил. «Когда

дезинфекция белья закончилась, распахнулась дверь жар-камеры и оттуда донесся резкий запах серы. Мандельштам сделал еще несколько шагов, запрокинул голову, схватился за сердце и упал, потеряв сознание». Сцена, которую можно представить в «Аде» Данте, самой важной для Мандельштама книге, - пишет Дутли.

Хотелось бы отметить и ту громадную и исключительно бережную работу историка, которую Вы проделали, показав европейскому читателю исторический контекст эпохи Мандельштама, революцию, сталинизм, лагеря и последующее возвращение его стихов к читателю.

Спасибо, я не ставил специальных целей «разъяснить» историю СССР, но старался показать трагическую сущность его эпохи, и тут вновь опирался на литературу людей, переживших это страшное время: разумеется, я прочел всего [Солженицына](#), все воспоминания современников Мандельштама, его жены, и конечно, мне очень помогли рассказы Варлама Шаламова, его потрясающая, жесткая, безнадежная проза.

Варлам Шаламов в своих «Колымских рассказах», в главе, названной «Шерри-бренди» («Все лишь бредни, шерри-бренди, Ангел мой...»), написал о смерти поэта в лагере. «Поэт так долго умирал, что перестал понимать, что он умирает. Иногда приходила, болезненно и почти ощутимо проталкиваясь через мозг, какая-нибудь простая и сильная мысль - что у него украли хлеб, который он положил под голову». Главу о кончине не названного по имени поэта Шаламов заканчивает так: «Но списали его на два дня позднее, - изобретательным соседям его удавалось при раздаче хлеба двое суток получать хлеб на мертвеца; мертвец поднимал руку, как кукла-марионетка. Стало быть, он умер раньше даты своей смерти - немаловажная деталь для будущих его биографов». Дутли напоминает, что Шаламов прочел свой текст во время «оттепели», в 1965 году, на первом вечере памяти Мандельштама.

Но со смертью Мандельштама книга не заканчивается. За этим следуют еще две главы: «Надежда превращается в невидимку» о том, как выживала его жена, которая сохранила его стихи, читая их наизусть ночами, хранила поэмы в кастрюле, в старых ботинках, прятала у редких друзей. Я цитирую Бродского: «Он был... новым Орфеем:

посланный в ад, он так и не вернулся, в то время как его вдова скиталась по одной шестой части земной суши, прижимая кастрюлю со свертком его песен, которые заучивала по ночам на случай, если фурии с ордером на обыск обнаружат его. Все наши метаморфозы, наши мифы».

Самая последняя глава повествует о том, как Мандельштам вернулся к своему читателю, вышел к свету после смерти Сталина, вначале через самиздат, а затем и полноправно заняв место ведущего русского поэта. Теперь Мандельштам – это русская поэтическая классика 20 века.

Бродский, Мандельштам, Цветаева любимы в русскоязычном пространстве, потому что отклик в душе читателя находят не только их стихи, но и стремление к свободе, и трагические судьбы этих поэтов. Но востребованы ли они немецкоязычным читателем?

Когда я переводил Мандельштама, руководствовался очень простой мотивацией - хотел подарить его стихи немецкоязычному читателю. Уже существовала публика, которая знала, что это великий поэт 20-го столетия. А его поэтические образы с огромной силой цепляют читателей, в стихах Мандельштама - культура всей Европы, постоянный диалог с будущим, с прошлым, великими поэтами всего мира, они востребованы в любой стране и в любой период времени.

От редакции: Обращаем ваше внимание на то, что в четверг, 31 мая, в книжном магазине Rameau d'Or состоится еще одна интересная встреча - с прекрасным переводчиком [Андре Марковичем](#). "Наша Газета.ch" рада быть постоянным партнером наших швейцарских коллег в организации вечеров, связанных с русской литературой.

Статьи по теме

[Александр Андреев: "Я вывез "Архипелаг ГУЛag" в банке из-под икры"](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/node/13605>